

*Моей матери, которая показала мне,
что мир слишком велик, чтобы постоянно находиться
в одном и том же месте*

Нормальность — это мощеная дорога: по ней
удобно ходить, но на ней не растут цветы.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Когда смерть придет за тобой, пусть она за-
станет тебя живым.

АФРИКАНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Пролог

Я очень часто думаю о смерти.

Не как о чем-то холодном, отрешенном и извращенном — хотя, наверное, что-то извращенное в этом есть — и не из желания свести счеты с жизнью. Просто иногда я представляю тот день, когда я умру. Думаю о том, возьмет ли отец на себя заботы о похоронах, выберет ли он особенную эпитафию или одну из самых банальных, что встречаются на каждом кладбище, будет ли красивой моя могила. Мне бы хотелось, чтобы она была красивой — пусть даже никто и никогда на нее не придет. И чтобы на ней не было живых цветов. Если это единственное, что останется от меня на земле после смерти, то пусть лучше там не будет увядающих растений.

Я часто думаю о смерти — и это довольно одинокое занятие. И хотя все мы прекрасно понимаем неизбежное, никто не любит произносить вслух, что когда-нибудь умрет. Мы предпочитаем жить в иллюзии, где время бесконечно и все всегда можно отложить на потом. Нам нравится верить, что у нас обязательно будет «завтра», «послезавтра» и «через десять лет». Я еще до неприличия молода, а уже давно чувствую, как жизнь утекает сквозь пальцы.

Боюсь, однажды я проснусь, а оставшихся дней окажется меньше, чем пунктов в моем бесконечном списке целей.

Мне не хочется умереть с осознанием, что я не сделала ничего стоящего.

Когда я села на тот самолет, отправляясь на другую сторону света с билетом в один конец, меня занимала единственная мысль: я делаю это лишь потому, что однажды умру. Потому что к тому моменту я хочу гордиться той, кем стала. И если для этого нужно оставить все в прошлом, я готова.

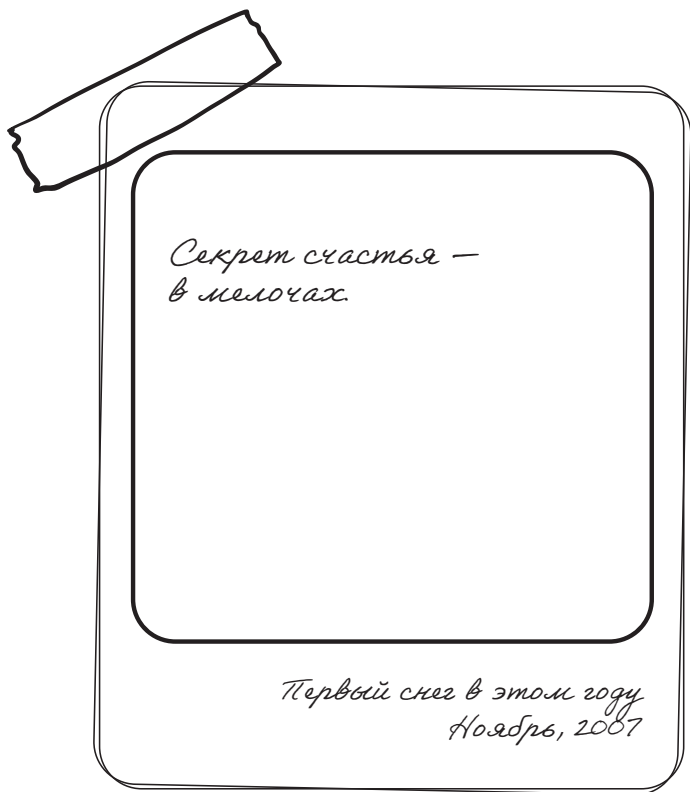
Я сбилась со счета, сколько лет потратила на то, что не приносило мне радости.

«Все ради смерти, смерти, смерти».

«Все ради жизни, все ради того, что мне еще предстоит испытать». Никто не ждал меня там, куда я направлялась.

Когда я сойду с этого самолета, я останусь одна. Эта мысль пугала меня.

Но никогда прежде я не чувствовала себя такой свободной.

На лицевой стороне снимка — мальчик и девочка, позирующие в снегу. У нее покрасневший от мороза нос и улыбка до ушей. А он перепачкался настолько, что после его возвращения домой в таком виде мать всерьез задумается, не бросить ли его самого в стиральную машину вместе с одеждой.

Часть первая

Прибытие

1

Мэйв, апрель, 2023

От Майами до этой деревни, название которой я до сих пор не могу выговорить, примерно восемь тысяч километров.

В последний раз я была здесь в шесть лет — с короткой стрижкой до ушей и твердой уверенностью в том, что я счастливый ребенок. Теперь я гляжу в окно на заснеженные улицы и меня бесит, что я совершенно ничего не помню. Всего пять вечера, а темно словно глубокой ночью. В деревне беда с освещением: фонари стоят в лучшем случае через каждые триста метров. Когда мы въезжаем в лес, дорогу освещают только фары такси.

С нервной дрожью в ноге я проверяю адрес, записанный в заметках телефона: 614 2501. Саркола, Пирканмаа.

Звучит как скороговорка. Или заклинание. Но нет.

Это деревня моей мамы.

Когда-то она была и моей. Я не отрекаюсь от своих корней, просто не помню их. Я не вижу здесь ничего родного — ни в этих высоких деревьях, обрамляющих дорогу, ни в деревянных домах с красными стенами и серыми крышами, которые мы только что проехали. Мне бы хотелось увидеть старые фотографии мамы, но у отца не осталось от нее никаких памятных вещей — и у меня тоже. Я приехала сюда вслепую. Даже в интернете удалось найти немного — только то, что это маленькая деревня с населением в шесть сотен человек, где нет даже супермаркета. Несомненно, это послед-

нее место на земле, куда захотел бы поехать нормальный человек в здравом уме.

А я, чтобы добраться сюда, потратила большую часть своих накоплений. Я уже сбилась со счета, сколько часов провела в пути. Согласно информации в билетах, дорога заняла тридцать шесть часов — вместе с пересадками, перелетами и поездками на автобусах. Я спала в аэропортах, прошла шесть проверок безопасности и полностью утратила ощущение времени. Когда я уезжала, в Майами было светло, а теперь уже стемнело, но я не знаю, какой сегодня день недели — пятница, суббота или воскресенье. Обратного билета у меня нет. Могу представить, что сказал бы Майк, увидев меня в таком положении.

«Даже для тебя это слишком».

Я отгоняю эти мысли прочь, пока они снова не начали меня мучить, как это было в последние тридцать шесть часов.

— *Olemme täällä, neiti**. — Таксист смотрит на меня в зеркало заднего вида. Машина остановилась, и даже без знания языка ясно: мы наконец приехали.

Я вновь смотрю в окно. Там, в крошечной тьме, стоит старый дом моей семьи. Он пустует вот уже четырнадцать лет, с тех самых пор как мы уехали. Не знаю, чего я ждала от этой поездки. Возможно, надеялась, что смогу просто войти, открыв дверь ключом, который бережно храню в ящике стола, — одно из немногочисленных воспоминаний о маме. Что вернуться в дом, где прошли мои первые годы жизни, — и все вдруг станет как прежде. Что я наконец почувствую родной уют. Что смогу попрощаться с этим гнетущим одиночеством, которое столько лет подтачивает меня изнутри.

Я могу быть не только импульсивной, но и слишком наивной.

Заметив, что я не реагирую, таксист хмурится. Мне пора открыть дверь и выйти из машины. Но я продолжаю сидеть на месте.

— Вы не знаете, где тут поблизости хостел? — спрашиваю я, старательно скрывая дрожь в голосе. Руки трясутся так, что приходится прятать их под колени. Надо смотреть на вещи трезво: в этом

* Мы на месте, мисс (финск.).

доме нельзя оставаться на ночь. Он стоит в лесу, пустоет много лет — наверняка там нет ни воды, ни электричества, ни отопления. Сейчас я не смогу со всем этим разобраться. — Хостел, — повторяю я, видя на его лице замешательство. — Отель. Чтобы переночевать.

Он понимает, его взгляд оживляется. Кивнув, он снова трогается с места. Я откидываюсь на спинку сиденья, облегченно вздохнув. Может, он и не осознал всей сложности ситуации, но, по крайней мере, знает, что я хочу убраться из этого леса. Честно говоря, он даже немного успокоился. Может быть, его тревожила мысль оставить меня здесь одну — вдруг на меня набросится медведь, и это событие навсегда останется пятном на его совести.

Через несколько минут такси останавливается перед большим домом, где на крыльце горит свет, и тут я понимаю, что: а) таксист что-то говорил, но я не поняла; и б) он, похоже, воспользовался моим незнанием курса евро и взял больше денег, чем следует. Я решаю не заикливаться на этом — в конце концов, он мог бросить меня одну в лесу. Да и как я предъявила бы ему претензии? Пожалуй, первым делом куплю себе словарь. И нормальные ботинки. Эти явно не для снега: от холода я уже давно не чувствую ног. Должно быть, за окном минус двадцать пять, в Майами такая температура немыслима. Сколько бы слоев одежды я ни надела, дрожь не проходит.

Интересно, не из-за озера ли такая влажность вокруг. Проклятое озеро. Я его уже ненавижу, хотя и не видела еще.

Что, ради всего святого, я здесь делаю?

«Сумасшедшая. Ты сумасшедшая».

«Ты должна быть дома. Со мной».

«У нас было будущее. У нас была жизнь».

Я вхожу в хостел.

Первое, что бросается в глаза, — у здания две двери. Внешняя ведет в крохотное помещение с решетчатым полом, где можно стряхнуть снег с ботинок, прежде чем открыть следующую. Второе, что поражает, — это тепло. Отопление работает на полную мощность. Пол устлан серой ковровой дорожкой, стены обшиты деревом, мебель выполнена в деревенском стиле. Я вхожу внутрь, волоча за со-

бой чемодан, с рюкзаком на плече. У стойки регистрации звоню в колокольчик, не снимая перчаток. Заметив на ковре следы от своих ботинок, чувствую укол вины. Возможно, стоило разуться.

Надеюсь, здесь найдется свободный номер.

Как же правильно поздороваться? «Доброе утро»? «Добрый вечер»? «Доброй ночи»? Сейчас всего пять вечера.

— Здравствуйте, — наконец решаюсь я. Изю всех сил стараюсь натянуть улыбку, когда из-за двери у стойки появляется мужчина лет пятидесяти. Коротко стриженный, в рубашке в клетку, с длинной бородой. — Я... — Откашливаюсь. — Не могли бы вы подсказать, есть ли у вас...

— Свободные номера? Конечно.

«Слава богу. Наконец-то нашелся кто-то, кто говорит по-английски».

Прежде чем повернуться к компьютеру и начать что-то печатать, он окидывает меня беглым взглядом. Видимо, достойного впечатления я не произвожу: укутанная в одежду с ног до головы, с рюкзаком и чемоданом, я, должно быть, напоминаю потерянного щенка.

— Мне нужно остановиться на несколько дней, — добавляю я. — Готова заплатить сколько нужно наличными. — Не хотелось бы, чтобы отец отследил мои покупки по кредитной карте.

Мгновение он хмурится, но после короткой паузы спрашивает:

— Вы из Америки?

— Из Майами. — Я стараюсь перевести разговор на него, чтобы избежать лишних вопросов: — Вы тоже не местный, я права? У вас очень выраженный британский акцент.

— Я родом из Манчестера, Англия. Уже много лет живу здесь с женой и детьми.

Манчестер. Я была там несколько раз, когда сопровождала Майка по рабочим делам. Уже собираюсь сказать об этом, но вовремя останавливаюсь. Если я действительно хочу оставить ту жизнь в прошлом, нужно прекратить о ней говорить.

— Здорово, что здесь нашелся кто-то, кто говорит по-английски, — произношу я вместо этого.

Его смех меня немного удивляет.

— Скажи это моим детям, особенно близнецам. Им изучение языка дается с трудом. — Из дома доносится женский голос. Мужчина отвечает что-то непонятное и снова поворачивается ко мне. — Это моя жена, — с улыбкой объясняет он.

Через несколько секунд она выходит, держа на руках ребенка. У обоих светлая кожа, раскосые глаза и белые, почти как снег, волосы. Она обменивается несколькими словами с мужем.

— Ханна спрашивает, что привело тебя сюда, — говорит он.

— А она разве не?..

— А, нет. Она говорит по-английски. Просто старается не делать этого при Нико.

— Хотим приучить его к двум языкам в доме, — шепчет она мне, устало улыбаясь. Я невольно восхищаюсь силой ее рук: мальчик явно уже не малыш. На вид ему лет пять-шесть. Он точно весит целую тонну.

— Мне нужно где-то переночевать. — Видимо, они ждут более развернутого ответа, но в подробности я вдаваться не собираюсь. — Я думала, здесь хостел.

— Когда в округе появляются приезжие — да, — отвечает мужчина. — Но это бывает нечасто, так что обычно это просто дом.

— У нас рядом есть небольшой продуктовый магазин, — добавляет Ханна, по-прежнему не повышая голос.

— Это ведь маленькая деревня, да? — спрашиваю я.

— *Очень* маленькая.

— Наверное, в этом и есть ее очарование.

Эти слова вызывают у нее улыбку.

— Да. У меня была подруга, которая любила так говорить. — Она поворачивается к мужу. — Комнаты не готовы. Можешь дать ей домик, где жил последний постоялец. Он очень уютный, — уверяет она меня. — Тебе понравится.

— Спасибо. — Мне важно только одно: кровать и тишина, чтобы можно было спать.

Мужчина снова принимается за клавиатуру.

— Мне нужны твои данные для регистрации, эм...

— Мэйв, — представляюсь я. — Мэйв Фрейзер.

Лицо Ханны застывает.

Они обмениваются удивленными взглядами и сосредоточенно смотрят на меня. В комнате воцаряется абсолютная тишина. Они словно видят меня впервые.

— Ты так на нее похожа, — шепчет Ханна. — Не понимаю, как я раньше этого не заметила.

Мое сердце екает.

Я знаю, о ком она говорит.

— Вы знали мою маму?

Женщина открывает рот, но тут же его закрывает, не находя слов. В этот момент ребенок начинает капризничать у нее на руках. Я слышу в ушах биение пульса. Мне хочется заставить Ханну ответить, расспросить ее о маме, узнать все истории, которые та никогда мне не рассказывала. Но тут вмешивается ее муж, кладет руку ей на плечо и слегка сжимает.

— Мэйв только что прилетела из Майами. Она, должно быть, устала с дороги. Давай дадим ей обустроиться. И выспаться. Мы можем поговорить утром. — Женщина кивает, все еще не выйдя из оцепенения. Он провожает ее внутрь дома и, вернувшись, снова садится за компьютер. — Мне нужны твои остальные данные, Мэйв. Не волнуйся, это недолго.

Следующее, что я помню, — как на автомате диктую свои данные: Мэйв Фрейзер, двадцать лет, проживаю в Соединенных Штатах, мой номер паспорта... Наверное, в этот момент я бы больше и не смогла о себе рассказать. Джон — он сказал, что его так зовут, — предложил донести мой чемодан до комнаты. Мы выходим из хостела, и я тут же начинаю скучать по отоплению. К счастью, домик недалеко; дверь находится в двух минутах ходьбы, справа от главного дома, напротив озера.

Меня успокаивает, что он примыкает к основному зданию: значит, есть надежда на отопление.

— Раньше мы использовали его как кладовку, — рассказывает Джон, взяв с замком. — Несколько месяцев назад моя жена

настояла на том, чтобы сделать здесь ремонт, и теперь это одно из наших лучших мест для проживания. У тебя будет больше личного пространства.

Когда Джон зажигает свет, я убеждаюсь, что Ханна отлично поработала над оформлением. Пол и стены обшиты деревом, мебель простая, в деревенском стиле: двуспальная кровать, круглый ковер, комод, диван и дверь, ведущая, вероятно, в ванную. Пока Джон разжигает камин, я тру руки, пытаюсь согреться. Здесь довольно холодно.

— Как вы познакомились с моей мамой? — я не могу удержаться от вопроса, наблюдая, как он укладывает дрова.

— Мы были хорошими друзьями, — со вздохом объясняет он. — На самом деле ты часто бывала у нас. Думаю, ты этого не помнишь. Когда вы уехали, ты была совсем крохой.

Что-то сжимается в груди. Это правда. Я не помню.

Но эти люди знали мою маму.

Она была здесь.

Может быть, стояла в этой самой комнате.

Пламя вспыхивает, когда Джону наконец удается разжечь огонь. Отряхивая руки, он встает.

— Убедись, что огонь продолжит гореть. Я надеялся, что отопление работает, но, учитывая, как здесь холодно, нам не повезло. Я проверю его утром. Думаю, пора дать тебе отдохнуть. Если захочешь поужинать, могу попросить свою дочку Сиенну принести тебе чего-нибудь. Или Луку с Коннором, но они, пожалуй, могут тебя нечаянно отравить, — шутит он.

Лучше бы он не был таким добрым ко мне. Моя броня дает трещину, и вся тяжесть поездки обрушивается разом: холод, усталость, одиночество, неуверенность. Я даже не знаю, что буду делать завтра. Не знаю, как сказать отцу, что больше не вернусь домой. И не знаю, как продержаться еще секунду, чтобы не разрыдаться.

— Я не уверена, долго ли смогу оплачивать проживание, — искренне признаюсь я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У меня нет... нет другого места, куда я могла бы пойти. На телефоне нет связи, деньги только наличными, и мамин дом...

— Мэйв, — его голос звучит твердо и спокойно, как у отца, привыкшего утихомиривать маленьких детей, — уверен, ты собираешься задержаться здесь надолго.

Эти слова приводят меня в чувство. Силой заставляю себя не опускать руки. Я не проронила ни слезинки, когда садилась в самолет. И сейчас не собираюсь.

— Я не вернусь в Майами. — Если в чем-то я и уверена, так именно в этом. Мне неизвестно, где мое место в мире, но точно не там.

— Тогда нам явно будет о чем поговорить. Обсудим это утром. А сейчас тебе нужно немного отдохнуть.

— Я обещаю заплатить, сколько смогу.

Он мотает головой, направляясь к двери.

— Добро пожаловать в Финляндию, Мэйв, — произносит он, открывая дверь. — Теперь ты дома.

* * *

В мою первую ночь в Финляндии мне снятся Майк, папа и Бренна, неработающий телефон и на бешеной скорости пролетающий над лесом самолет.

Меня будит чье-то мурлыканье.

И что-то мягкое и пушистое, трущееся о мою щеку. Я резко открываю глаза и вскрикиваю от ужаса.

— Чертова зверюга! Пошел вон отсюда!

Я вскакиваю. Животное отпрыгивает назад и выгибает спину в оборонительной позе. Это черный кот с зелеными глазами, и выглядит он довольно рассерженным. Как, черт возьми, он сюда забрался? Вчера я точно закрывала окна.

— Ты меня напугал, — упрекаю я его, переводя дыхание.

В ответ раздается фырканье.

Я оглядываю спальню, и вся тяжесть последних дней снова наваливается на мои плечи. На секунду я забыла, где нахожусь: в крошечной деревушке в Финляндии, в восьми тысячах километров от дома, вдали от отца и его новой семьи. Вдали от всей моей жизни. Вдали от Майка.

Кот мяукает.

— Ты здесь не останешься, — предупреждаю я.

По крайней мере, теперь у меня есть цель — выдворить это чертово создание из моей чертовой комнаты — и благодаря этому, кажется, я окончательно не раскисну.

Он невозмутимо смотрит на меня уже с прикроватной тумбочки. Уселся прямо рядом с моим телефоном. Видимо, рассчитывает, что я потянусь за ним, — чтобы сразу цапнуть за руку. У меня никогда не было домашних животных, но о кошках я знаю точно: они любопытные, равнодушные и коварные. Именно поэтому они мне никогда не нравились. Особенно ненавижу их сейчас, когда думаю, что, если спросить Майка о моей нынешней репутации, он бы, наверное, описал меня теми же словами.

«Любопытная, равнодушная и коварная».

«Как ты могла уйти? Как ты могла бросить меня здесь?»

В дверь стучат.

Я осторожно выбираюсь из постели, не теряя из виду неожиданного гостя, на случай если он вдруг решит накинуться. Даже через два слоя носков я чувствую, насколько холодный пол. Чтобы выглядеть более или менее прилично, я снимаю пижамные штаны, оставив только термолосины. Ночью я не послушалась совета Джона и погасила огонь перед сном, хотя к тому времени домик еще не успел прогреться, — мне было страшно спать с горящим камином. Конечно, тело не привыкло к таким температурам, поэтому пришлось импровизировать. Я не могла сомкнуть глаз, пока не надела на себя почти всю одежду из чемодана.

Понятия не имею, сколько я спала. Подхожу к двери.

— В моей комнате кот, — жалуясь я, как только открываю дверь.

— На самом деле это ты в *его* комнате.

Это не голос Джона.

Я поднимаю глаза. Сегодня на улице светло, не то что вчера, и я вижу все вокруг. Зимний пейзаж Финляндии завораживает. И именно он должен был захватить все мое внимание. Дикая растительность, земля, покрытая снегом, замерзшее озеро, ветер, рас-

качивающий ветви деревьев, оранжевое небо, солнце, прячущееся за горизонтом.

Но я не могу оторвать взгляд от парня передо мной. Он облокотился на перила крыльца, засунув руки в карманы куртки. Глаза у него зеленые с карим отливом, а волосы длинные и лохматые — каштановые, волнистые, но не кудрявые. В нем есть что-то такое, что заставляет мое сердце биться чаще, и я изо всех сил сжимаю дверную ручку. Не совсем понимаю, в чем дело, но предполагаю, что проведу значительную часть своего времени здесь, пытаюсь это выяснить. Возможно, все дело во взгляде. Он смотрит на меня, как будто видит призрака. Тишина затягивается, и мгновения кажутся вечностью.

— Мы не встречались раньше? — Вопрос вырывается сам собой. Я вижу в этом парне кого-то до боли знакомого.

Что-то мелькает в его глазах — не могу понять, это удивление, грусть или разочарование. Впрочем, оно исчезает так быстро, что, когда он одаривает меня своей очаровательной улыбкой, я думаю, что мне просто показалось.

— Добро пожаловать в реальный мир, Спящая красавица. Я уж думал, ты никогда не проснешься. — Я улавливаю некоторое напряжение в его плечах под теплой коричневой курткой. В остальном он выглядит таким спокойным, что если не наблюдать за ним пристально (как это делаю я), то и не заметишь, что это лишь фасад. — Я Коннор Оксман, — представляется он, — один из сыновей Джона.

Несколько лет назад, в старшей школе, я узнала о феномене человеческого мозга под названием «летологика». Это слово происходит от греческого, где *lethe* означает «забвение», а *logos* — «слово». Знаете, бывает так, что память нас подводит и мы забываем, что намеревались сказать, хотя подсознательно понимаем, о чем идет речь. Обычно это касается конкретных вещей: названий книг, фильмов, мест или имен людей. Если бы мне пришлось описать Коннора одной фразой, я бы сказала так: он как воспоминание на кончике языка, которое никак не можешь ухватить, сколько ни пытаешься.

Интересно, испытывает ли он то же самое по отношению ко мне. Скорее всего, нет и я просто брежу. Возможно, всему виной усталость, смена часовых поясов или еще что-то в этом роде.

— Сколько я спала? — немного смущенно спрашиваю я, потому что у меня болит голова и восприятие времени еще не налажилось. Да и темнеет тут так рано, что полагаться на ощущения не стоит.

— Почти целый день. Но я уверен, что это меньше, чем тебе необходимо. — Он бросает на меня оценивающий взгляд. Я вопросительно поднимаю брови, и он добавляет: — Почему у тебя такой вид, как будто ты вернулась из снежной экспедиции?

— Замерзла. — Сейчас я жалею, что не глянула в зеркало, прежде чем открыть дверь, но я не хочу показывать, что нервничаю из-за этого.

— Я думал, отец оставил тебе горящий камин.

— Я потушила его перед сном. Не хотелось сгореть заживо.

— Ты предпочла бы замерзнуть насмерть. Я тебя понял.

— У меня есть плоды. И одежда. — Зачем я вообще оправдываюсь? — Можешь забрать своего кота из моей комнаты, пожалуйста?

Услышав меня, Конрад цокает языком, и я напрягаюсь, когда он идет в мою сторону. Наклоняется, чтобы оглядеть комнату. Внезапно он оказывается так близко, что я инстинктивно задерживаю дыхание. Сжимаю дверную ручку до боли в пальцах.

— Его зовут Онни. По-фински это означает «удача». И у него свободолюбивая натура. — Конрад быстро отступает, но я все еще напряжена. — На самом деле удивительно, что он тебя не выгнал.

Отлично.

Я фыркаю, разворачиваюсь на пятках и возвращаюсь внутрь. Воспользовавшись тем, что дверь осталась открытой, Коннор заходит следом без приглашения — что меня почему-то совершенно не удивляет. Едва увидев его, кот мяукает, спрыгивает на пол и тут же начинает тереться о ногу. Хозяин нагибается, чтобы его погладить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru